Глава 178: Ян Чжао просит написать Поэму!

«Господа, это решение в долгосрочной перспективе повлияет на тренировочный лагерь. Если другие будут думать, что я не предлагаю вознаграждение за тяжелую работу, никто не захочет прийти сюда в будущем. Как насчет этого? Если вы все еще не хотите принимать вознаграждение, давайте снизим первоначальную цену в два раза».

Ван Чун улыбнулся.

«Это ... тогда хорошо!»

Восемь инструкторов Императорской Армии уставились друг на друга и, чувствуя, что слова Ван Чуна логичны, они, наконец, кивнули в знак согласия.

Увидев это, Ван Чун улыбнулся.

После чего они начали обговаривать детали.

Тренировочный лагерь Ван Чуна будет построен прямо на духовной жиле; этот вопрос уже был решен заранее. Его учитель, Демонический Старик-Император, будет находиться там, чтобы охранять этот район. Кроме того, учитывая невероятную силу этих инструкторов Императорской Армии, не было необходимости беспокоиться о безопасности лагеря.

Меньшие силы даже не посмели бы прикоснуться к духовной жиле Ван Чуна.

Что касается строительства тренировочного лагеря ...

Ван Чун уже вложил в него деньги довольно давно. Несмотря на то, что он, вероятно, еще не завершен, он должен быть очерчен.

«Силен! Подумать только, что молодой господин даже нашел духовную жилу! Это объясняет, почему вы хотите нанять так много инструкторов Императорской Армии. Не волнуйтесь, завтра мы отправимся туда и сделаем, как вы говорите».

Восемь мощных инструкторов Императорской Армии были взволнованы. Несмотря на то, что Клан Ван был влиятельным, его накопления и сила в разных аспектах отсутствовали.

Они были только в восторге от характера Ван Чуна. Они не думали, что его подготовка будет настолько тщательной.

Духовная жила не была чем-то, что могла получить любая сила.

Инструкторы Императорской армии были надежными и заслуживающими доверия людьми. Как только они согласились на просьбу Ван Чуна, они немедленно отправились к духовной жиле под руководством группы охранников Семьи Ван.

...

«Молодой господин Ван, давно не виделись!»

Вскоре после того, как восемь инструкторов Императорской Армии ушли, в комнату вошел мужчина в белом одеянии, одетый в шелковую шляпу с белой одеждой.

Меморандум Ван Чуна потряс мир.

Таким образом, различные силы обратили на него внимание, и они ждали его освобождения. Таким образом, ему было не суждено насладиться спокойствием, по крайней мере, в этот период времени.

«Вы?»

Ван Чун в недоумении нахмурился, когда увидел, что незнакомец входит.

Ван Чун не думал, что охранники позволят любому незнакомому человеку легко войти. Тем не менее, Ван Чун действительно не узнавал этого человека.

«Хахаха, Молодой господин Ван, мы встречались несколько месяцев назад. Тогда вы подарили мне тысячу золотых таэлей. Вы уже забыли об этом?»

Гость усмехнулся.

«Тысяча золотых таэлей?»

Ван Чун становился все более и более озадаченным. Несмотря на то, что он в настоящее время был богат, на самом деле, тысяча золотых таэлей было совсем не маленькой суммой. Ван Чун не должен был давать кому угодно такую огромную сумму денег.

«Как это возможно? Кто этот человек?»

Ван Чун сомневался. Он не думал, что он забывчивый человек; если бы он видел этого человека раньше, он, несомненно, мог бы запомнить его.

(П/П: старость не радость, склероз усилился).

Тем не менее, Ван Чун действительно не помнил его!

«Хехе, молодой господин, уверен, вы забывчивый человек. Вы помните того человека, которому вы помогли возле Павильона Блюботтл?»

Гость, наконец, убрал свою улыбку и медленно спросил.

Бум!

Ван Чуна словно поразила молния, и он с недоверием уставился на одетого в белое человека.

«Это ты! ...»

Ван Чун наконец понял, кем был гость. Тем не менее, это только оставляло Ван Чуна в большем недоверии.

Ян Чжао!

Этот человек был Ян Чжао! Человек, которого он встретил возле павильона Блюботтл, этот неряшливый человек, похожий на бандита!

Будущий Имперский Дядя Великого Тана!

Причина, по которой Ван Чун испытывал такое глубокое впечатление от него, была связана с другим громким псевдонимом, который он возьмет в будущем:

Ян Гочжун!

Ян Чжао было его настоящим именем, тогда как «Гочжун» стало его псевдонимом, когда он был на пике своего могущества.

Однако, кроме Ван Чуна, об этом никто не знал, даже сам Ян Чжао.

«Это на самом деле он! Но как может так измениться положение человека?»

Ван Чун испытал колоссальный шок.

Это был первый случай, когда Ван Чун видел, как человек так сильно изменился.

Он видел Ян Чжао в его худшем состоянии; Тогда он ничем не отличался от бандита.

Однако нынешний Ян Чжао ничем не отличался от утонченного академика. Каждое его движение излучало изящество, которое оставляло даже влиятельных чиновников в королевском дворе красными в смущении. Он был еще более ученым, чем ученые!

«Неудивительно, почему он в будущем может дать себе такое имя в королевском дворе. Только по его внешнему виду и положению он уже не уступал другим чиновникам».

Ван Чун знал о происхождении Ян Чжао.

Но даже в этом случае он не мог не почувствовать себя впечатленным другой стороной в этот момент. Даже сам он не мог совершить в такие резкие, значительные перемены.

«Хахаха, молодой господин все еще не узнает меня, не так ли? Моя фамилия Ян, и меня зовут Чжао. Консорт Тайчжэнь мой близкий родственник!»

Поклонившись, Ян Чжао представил себя с радостной улыбкой.

Жаль, что его ликование испортило изысканный образ, который он создал с большим трудом. Внутри Ян Чжао был еще глупым.

«Я так понимаю, вы кузен Консорта Тайчжэнь!»

На поверхности Ван Чун выглядел удивленным, но внутри он хихикал про себя.

Он уже знал историю Ян Чжао, когда в первый раз встретил его. Однако он не мог раскрыть себя перед другой стороной.

«Я хотел бы поблагодарить молодого господина за его щедрый подарок. Таким образом, я подготовил тысячу золотых таэлей в моей карете на улице, я прикажу своим людям позже их принести».

Ян Чжао сказал с серьезным выражением.

«Я буду дураком, если поверю тебе».

Зная характер человека перед ним, для него было бы невозможно иметь тысячу золотых таэлей в своей карете.

В его предыдущей жизни репутация Ян Чжао как скряги была известна во всем мире.

Хотя Ян Чжао был необразованным и неумелым во всех других аспектах, возможно, из-за того, что он часто посещал азартные игры, он проявлял исключительную сообразительность в вопросах финансов.

И это, казалось, сделало его характер расчетливым.

Он не мог отпустить что-то, что когда-то принял.

«Лорд Ян слишком вежлив. Поскольку я уже отдал их вам, они остаются вашими. Это жест доброй воли с моей стороны, поэтому вам не нужно быть таким формальным».

Ван Чун ответил.

«Раз это так, тогда я не буду сомневаться».

Ян Чжао просто сказал ради вежливости. Если Ван Чун действительно намеревался взять от него деньги, у него не было ни одного ляна, чтобы дать ему.

«Правильно. На самом деле я приехал сюда с миссией. Молодой господин, это письмо от Ее Высочества, посмотрите на него».

«Ох?»

Ван Чун с изумлением взглянул на Ян Чжао.

Он не ожидал, что единственным, кто был действительно заинтересован во встрече с ним, была Консорт Тайчжэнь.

Он взял конверт из рук Ян Чжао и взглянул на него. Слова на конверте были элегантными, обладая изысканностью, принадлежащей выдающейся семье.

«Это действительно почерк Консорта Тайчжэнь!»

Придя к пониманию этого, Ван Чун был ошеломлен.

Консорт Тайчжэнь имела привычку диктовать свои письма другим людям. Таким образом, было очень мало людей, имевших ее рукописные письма.

Ван Чун не ожидал получить такой редкий товар.

Штрихи Консорта Тайчжэнь были немного тонкими, имея некоторое сходство с очертаниями журавля (один их 4-х типов штрихов в Китае). Тем не менее, это было женское прикосновение. Можно было смутно уловить аромат, принадлежащий скромной леди, что заставляло сердце трепетать.

Сердце Ван Чуна вздрогнуло. Он поспешно успокоил его и распечатал конверт, чтобы взглянут на письмо.

Содержание письма Консорта Тайчжэнь было чрезвычайно обычным.

Сначала она ругала Ван Чуна за его смелость в выдаче себя за Короля Суна, после чего похвалила его стихотворение.

Она сказала, что стихотворение было чрезвычайно красивым и душевным, и похвалила его.

И последняя строка гласила:

«Поскольку стихотворение называется «Песнь о Чистоте и Мире ‘1», должна быть вторая часть. Молодой господин является талантливым поэтом, и ваша работа является исключительной. Таким образом, я хотела бы призвать вас к написанию последней части, чтобы насладиться ей!»

«В действительности было три части!»

В этот момент Ван Чун наконец понял цель Ян Чжао. Казалось, что значимости «Песни о Чистоте и Мире» действительно была огромна для нее.

Судя по всему, Ван Чун был не единственным, кто пострадал из-за трех месяцев тюремного заключения. Если бы это было не так, Консорт Тайчжэнь не нужно было бы поспешно посылать Ян Чжао с просьбой о написании стихотворения, как только Ван Чун освободился.

В конце концов, она была настоящим фанатиком поэзии!

«Хаха, я не знаю многого о стихах, и я не знаю, как их оценить. Однако Ее Высочество сказала, что стихи, которые вы написали, необычайны. Если господин свободен, я надеюсь, что вы можете нанести визит в Дворец Юйчжэнь».

Ян Чжао смущенно сказал и потер нос.

Было видно, что Ян Чжао был заинтересован в этом из-за денег, но Консорт Тайчжэнь только направила его сюда, чтобы попросить «поэму». Ян Чжао не обладал никаким талантом в этой области, поэтому ему не о чем было говорить.

Если Ван Чун начнет говорить о поэзии, Ян Чжао только разоблачит свои недостатки. Таким образом, он почувствовал себя немного неловко и смущенно.

«Хех, Лорд Ян слишком вежлив. Если Ее Высочество заинтересовано, я напишу прямо сейчас».

Ван Чун не ударил по недостаткам другой стороны. Вместо этого он задумался на мгновение, прежде чем использовать инструменты, чтобы записать «Песню о Чистоте и Мире ‘2».

Причина, почему Ван Чун колебался в передаче этого стихотворения Консорту Тайчжэнь, была из-за того, что содержание этого стихотворения шло по опасным зонам.

В другом пространственно-временном континууме во второй части упоминалась «Чжао Фэйянь», которая почти привела к смерти Ли Бая. Именно по этой причине Ван Чун не решался написать вторую часть.

(Ли Бай -> Настоящий автор Песни о Чистоте и Мире)

Однако за последние три месяца Ван Чуну удалось найти решение.

Ван Чун не заставил долго ждать написания знаменитой «Песни о чистоте и мире ‘2».

«Волшебный яркий бутон, благоухающий пион проявляется в росе».

«Мечты о воссоединении с богиней Горы У горестно возникают»

«Кто Весной и Осенью может сравниться с ее изяществом?»

«Жаль, жаль удрученный силуэт Си Ши».

...

Четыре строки, состоящие в общей сложности из сорока двух слов, потребовалось всего несколько вдохов, чтобы закончить. Ян Чжао не мог не почувствовать себя впечатленным. Он может быть необразованным, но он не был совершенно невежественным.

Даже гению потребуется некоторое время, чтобы нарастить свои эмоции и перенести их в слова, прежде чем они смогли бы написать стихотворение. Несмотря на очень немногие слова в этом стихотворении, все равно потребовался бы как минимум час.

Тем не менее, Ван Чун закончил его всего за несколько вдохов. Эта удивительная способность ошарашила даже Ян Чжао.

Он, наконец, понял степень «поэтического таланта» Ван Чуна.

Молодой человек перед ним не был человеком, которого можно было судить при помощи здравого смысла!

«Невероятно!»

Ян Чжао похвалил. Он был груб, но это не мешало ему уважать способных людей.

П/П с кит.:

Существуют различные стили для каллиграфии, и журавль - один из них.

Чжао Фейянь была императрицей во время династии Хань.

(Ее имя означает «летающая ласточка»)

Она была прекрасной красотой, и было высказывание «Пухлый Хуан и тонкий Янь», которое обращалось к этим двум красавицам: Ян Юйхуан и Чжао Фэйянь.

Изначально стихотворение должно было передавать, что только Чжао Фейянь могла соответствовать грациозности Консорта Тайчжэнь, но Чжао Фэйянь, похоже, имела ужасную репутацию. Таким образом, некоторые нашли стихотворение оскорбительным.

Таким образом, Ван Чун заменил ее в стихотворении еще одной из четырех великих красавиц Китая в Весенний и Осенний периоды, Си Ши (Си Цзы).

«Волшебный яркий бутон, благоухающий пион проявляется в росе».

«Мечты о воссоединении с богиней Горы У горестно возникают»

«Кто Весной и Осенью может сравниться с ее изяществом?»

«Жаль, жаль удрученный силуэт Си Ши».

Первая строфа это ссылка на пион.

Вторая строфа относится к одной из китайских легенд, изображающей Чу Вана (короля Чу) с богиней на вершине Горы У, и она жалуется, что, несмотря ни на что, это всего лишь

произведение художественной литературы.

http://tl.rulate.ru/book/3937/172541